

Теннесси Уильямс

# Предназначено на слом



**Теннесси Уильямс**  
**Предназначено на слом**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=156482](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156482)*

# Теннесси Уильямс

## Предназначено на слом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Уилли.

Том.

Декорация напоминает картину «Домик у железной дороги», выставленную в Музее современного искусства на Пятьдесят третьей улице. Железнодорожные пути на окраине небольшого городка в штате Миссисипи. Молочно-белое зимнее утро – такие бывают только в этой части страны. Влажный прохладный воздух. Невысокая насыпь и рельсы, за насыпью – задник, на котором написан большой желтый сборный дом, пребывающий сейчас в безотрадном запустении. Некоторые окна второго этажа зашиты досками, часть крыши обвалилась. Местность вокруг на редкость плоская. Слева, на заднем плане, щит с объявлением, возвещающим: «Джин и ром», несколько телеграфных столбов и по-зимнему голых деревьев. Бескрайнее молочно-белое небо; время от времени карканье ворон, похожее на треск разрываемой ткани. В случае необходимости настроение может быть усилено модернистской трактовкой изображения на заднике. Девочка УИЛЛИ – весьма примечательное существо. Она худа как щепка; на ней изношенный, но все еще вызываю-

щий наряд: вечернее платье из синего бархата с грязным кружевным воротником кремового цвета и сверкающее ожерелье из фальшивых бриллиантов. На ногах пара испепаленных туфель из посеребренной кожи с большими декоративными пряжками. Запястье и пальцы унизаны дешевой бижутерией. На ее детском личике алеют малиновые пятна – неумело положенные румяна; губы нелепо подмазаны сердечком. Ей лет тринадцать, и во всем ее облике, несмотря на косметику, есть что-то неистребимо детское и невинное. Она то и дело раздражается громким хохотом, в котором чувствуется какая-то преждевременная трагичная безоглядность. При поднятии занавеса Уилли осторожно идет по рельсе, балансируя раскинутыми руками, в одной из которых зажат банан, а в другой – невероятно растрепанная кукла с грязными светлыми волосами. Мальчик ТОМ – он немного старше Уилли – наблюдает за ней, стоя под насыпью. На нем вельветовые штаны, голубая рубашка, свитер; в руках – змей из красной папиросной бумаги с хвостом из ярких лент.

Том. Эй! Ты кто такая?

Уилли. Подожди. Вот упаду, тогда и поговорим. (Пошатываясь, продолжает двигаться вперед.)

Том с немym восхищением наблюдает за нею. Ее все больше и больше клонит из стороны в сторону.

(Задыхаясь.) Возьми... мою Растрепку... Ну, мою куклу. Ладно?

Том (карабкаясь на насыпь). Ладно.

Уилли. Боюсь разбить ее... когда упаду. По-моему... мне долго... не продержаться. Верно?

Том. Факт.

Уилли. Вот-вот... упаду.

Том хочет поддержать ее.

Нет, не трогай меня. Помогать не полагается. Надо все расстояние пройти самой. О господи, до чего же меня качает! И чего я так разнервничалась? Видишь бак с водой, вон там?

Том. Ну, вижу.

Уилли. Оттуда... я и начала. Это самое большое расстояние, которое... мне удалось пройти... ни разу не упав. Вернее, будет самым большим... если я продержусь... до следующего... телеграфного столба. Ой, падаю! (Окончательно теряет равновесие и скатывается с насыпи.) Том (теперь он стоит над ней). Ушиблась?

Уилли. Коленку оцарапала. Хорошо еще, что шелковых чулок не надела.

Том. А ты поплюй на царапину – от этого боль проходит.

Уилли. Попробую.

Том. Звери всегда так лечатся – раны себе зализывают.

Уилли. Знаю. Но больше всего пострадал, кажется, мой браслет: один бриллиант даже выпал. Куда он только закатился?

Том. Тут, в шлаке, его ни за что не найти.

Уилли. А может, и найдем. Он очень ярко блестит.

Том. Все равно поддельный.

Уилли. А ты почему знаешь?

Том. Догадываюсь. Будь он настоящий, ты бы не ходила по рельсам с растрепанной куклой и гнилым бананом в руках.

Уилли. Ишь ты, какой умник! А может быть, я психованная или еще что-нибудь? Не знаешь – не говори. Звать-то тебя как?

Том. Том.

Уилли. А меня Уилли. У нас обоих мужские имена.

Том. У тебя-то почему?

Уилли. Старики ждали мальчика, а я взяла и оказалась девочкой. А у них уже была одна. Элва. Моя сестра. Ты почему не в школе?

Том. Я думал, ветрено будет и мне удастся запустить змей.

Уилли. А почему ты так думал?

Том. Потому что небо совсем белое.

Уилли. Это примета?

Том. Да.

Уилли. Знаю. Оно выглядит так, словно его метлой подмести. Верно?

Том. Ага.

Уилли. И белое-белое. Как чистый лист бумаги.

Том. Угу.

Уилли. А ветра нет.

Том. Нет.

Уилли. Он дует слишком высоко, мы его не чувствуем.

Он гуляет гораздо выше, по чердакам, сметает там пыль с ломаной мебели.

Том. А ты почему не в школе?

Уилли. Я в нее не хожу. Уже два года как бросила.

Том. В каком была классе?

Уилли. В пятом «а».

Том. У мисс Престон?

Уилли. Ага. Она вечно твердила, что у меня руки грязные. Но потом я объяснила ей, что это в них зола въелась – я ведь постоянно с рельсов падаю.

Том. Она здорово строгая.

Уилли. Да нет, просто злится, что не вышла замуж. Не представилось случая бедняжке. Вот ей и осталось одно – учить пятый «а» до конца своей жизни. Она как раз начала проходить с нами алгебру, а мне было наплевать, что там означают разные иксы. Вот я и бросила школу.

Том. Но ты никогда не получишь образования, бегая по рельсам.

Уилли. Запуская красного змея, образования тоже не получишь. И, кроме того...

Том. Что?

Уилли. Чтобы преуспеть в жизни, девушке нужно светское воспитание. А я научилась всем этим штукам у моей сестры Элвы. Она страшно нравилась всем мужчинам с железной дороги.

Том. Машинистам?

Уилли. Да, и машинистам, и кочегарам, и проводникам. Даже товарному кондуктору. Наши держали меблированные комнаты со столом для служащих железной дороги. Элва была, можно сказать, главной приманкой. Красивая! – никакой кинозвезде не уступит, ей-богу!

Том. Твоя сестра?

Уилли. Она самая. Один наш постоялец из каждой поездки привозил ей большую красную шелковую коробку в форме сердца, а в той коробке – и шоколад ассорти, и орехи, и конфеты. Здорово?

Том. Д-да.

Карканье ворон.

Уилли. Знаешь, где теперь Элва?

Том. В Мемфисе?

Уилли. Нет.

Том. В Нью-Орлеане?

Уилли. Нет.

Том. В Сент-Луисе?

Уилли. Все равно ни за что не угадаешь!

Том. Где же она тогда?

Пауза.

Уилли (торжественно). Она в юдоли смерти.

Том. Где-где?

Уилли (взрываясь). В юдоли смерти, на кладбище, в могиле! Ты что, глухой, что ли?

Том. Ах вот оно что! Скверное дело.



Уилли. Но ты еще не знаешь всего, приятель. До чего же весело мы проводили когда-то время в этом большом желтом доме!

Том. Представляю себе!

Уилли. Музыка день и ночь, инструменты не смолкают...

Том. Инструменты? Какие?

Уилли. Пианино, виктрола, металлическая гавайская гитара. Каждый на чем-нибудь да играл. Но теперь там до ужаса тихо. Оттуда ни звука не доносится, верно?

Том. Да. В доме никто не живет?

Уилли. Никто, кроме меня. И на стене висит большое объявление.

Том. Что же там написано?

Уилли (громко, но слегка прерывающимся голосом).  
«Предназначено на слом».

Том. И ты все-таки живешь там?

Уилли. Угу.

Том. Что у вас стряслось? Куда же все подевались?

Уилли. Мать сбежала с тормозным кондуктором. И после этого все развалилось.

Гудок паровоза.

Гудок слышишь? Это курьерский. Ух, как несется!.. А старик мой запил.

Том. Где он сейчас?

Уилли. Исчез. Думаю, мне следовало бы заявить о нем в бюро по розыску без вести пропавших. Он именно так и по-

ступил, когда сбежала мать. Потом мы жили вдвоем с Элвой, пока у нее не разболелись легкие. Ты Грету Гарбо видел в «Даме с камелиями»? Прошлой весной у нас в киношке крутили эту картину. Так вот, она хворала тем же, от чего умерла Элва. Больные легкие.

Том. Да ну?

Уилли. Только в кино все получилось очень красиво. Понимаешь, играли скрипки, всюду груды белых цветов, и все ее поклонники вернулись к ней. Очень трогательная сцена.

Том. Да ну?

Уилли. А вот от Элвы все поклонники сбежали.

Том. Да ну?

Уилли. словно крысы с тонущего корабля. Это она так говорила – Элва. непохоже было на смерть в кино.

Том. Да?

Уилли. Она спрашивает: «Где Элберт? Где Клеменс?» А их и след простыл. Я ей вру: «Они передали тебе привет. Зайдут завтра». «Где мистер Джонсон?» – спрашивает она. Джонсон – это товарный кондуктор, самый солидный наш постоялец. «Его перевели в Гренаду, – отвечаю я, – но он просит не забывать его». Но все равно она знала, что я вру.

Том. Да ну?

Уилли. «Это расплата, – частенько говорила она. – Все они бегут от меня, словно крысы с тонущего корабля». Все, кроме Сидни.

Том. А кто такой Сидни?

Уилли. А тот, что дарил ей большущие красные шелковые коробки с шоколадом «Американская красавица».

Том. Вот оно что!

Уилли. Он остался ей верен.

Том. Это хорошо.

Уилли. Но Сидни ей никогда не нравился. Элва говорила, что у него гнилые зубы и изо рта плохо пахнет.

Том. Вот тебе раз!

Уилли. Да, она умирала не так, как в кино. Когда в кино кто-нибудь умирает, обязательно играют на скрипках.

Том. А для Элвы не играли?

Уилли. Нет. Даже на виктроле не играли. В больнице сказали, что это запрещено правилами. А ведь дома она всегда пела.

Том. Кто? Элва?

Уилли. Да. Вечера она устраивала грандиозные. Вот это, например, был ее коронный номер. (Вытягивает руки и закрывает глаза, копируя экстатическую манеру профессиональных исполнительниц блюзов. Голос у нее необыкновенно высокий и чистый, тембр сдержанно взволнованный.) Только ты – звезда В небесах моих И сияешь лишь Для меня!

На мне ее платье – оно перешло ко мне по наследству. Все, что было у Элвы, теперь мое. Кроме бус. Они у нее были из чистого золота.

Том. А куда они делись?

Уилли. Она их никогда не снимала.

Том. Понятно.

Уилли. Ко мне по наследству перешли и все поклонники сестры: Элберт, Клеменс, даже товарный кондуктор.

Том. Да ну?

Уилли. Тогда они все исчезли. Боялись, наверно, как бы не пришлось потратиться. А теперь снова возвращаются – как мухи на мед. Приглашают меня по вечерам в разные места – я ведь теперь вхожу в моду. Да, да, и на вечера, и на танцы, и на все праздники железнодорожников приглашают. Вот погляди!

Том. На что глядеть?

Уилли. Как я умею танцевать. (Становится перед мальчиком в позу и делает несколько судорожных движений животом.) Том. Фрэнк Уотерс говорил, что ты...

Уилли. Что?

Том. Да ты сама знаешь.

Уилли. Что я знаю?

Том. Что ты зазвала его в дом и... танцевала там для него.

Уилли. Вот оно что!.. А Растрепке надо вымыть голову. Но я боюсь ее мыть – голова может расклеиться в том месте, где у нее был сложный перелом черепа. Вот тогда, наверно, у куколки и вытекли почти все мозги. Недаром она с тех пор ведет себя так глупо – болтает бог знает что и выходки самые невероятные.

Том. Почему ты не хочешь сделать это для меня?

Уилли. Что сделать? Заклеить тебе череп? У тебя тоже

сложный перелом?

Том. Нет. Сделать то, что ты сделала для Фрэнка Уотерса.

Уилли. Потому что тогда я была одинока, а теперь нет. Можешь так и сказать Фрэнку Уотерсу. Скажи ему, что поклонники моей сестры перешли по наследству ко мне. Я бываю в обществе с мужчинами, занимающими важные должности. А небо и вправду белое. Верно? Как лист чистой бумаги. В пятом «а» мы рисовали картинки. Мисс Престон давала нам по листку чистой бумаги и говорила, чтобы мы рисовали что нам хочется.

Том. И что же ты рисовала?

Уилли. Помнится, однажды я нарисовала ей, как моего старика огрели бутылкой по голове. Мисс Престон понравилась, она и говорит: «Смотрите, вот Чарли Чаплин в своем котелке, сдвинутом набок». А я говорю: «Да нет же, это не Чарли Чаплин, а мой отец, и это не котелок, а бутылка».

Том. А она что?

Уилли. Сам знаешь, учительница шуток не понимает.

Только ты – звезда В небесах моих...

Директор школы сказал, что у меня дома атмосфера неподходящая. Это он про то, что у нас бывали железнодорожники и кое-кто из них оставался ночевать.

Том. Неужто оставался?

Уилли. Так ведь Элва была главной приманкой. Теперь-то дом, конечно, пуст.

Том. И ты в нем тоже больше не живешь?

Уилли. Живу, конечно.

Том. Одна?

Уилли. Ага. Вообще-то считается, что в доме никого нет, а я живу. Считается, что он предназначен на слом, но жить там вполне можно. Вчера туда сунулась какая-то инспекторша из графства. Я только взглянула на ее шляпу и сразу угадала, что это инспекторша. Вот уж не назвала бы ее чепчик стильным.

Том. Да ну?

Уилли. Похоже, что она приспособила вместо шляпы вытяжной колпак с кухонной плиты. Элва здорово разбиралась, что стильно, а что нет. Она мечтала стать художницей и работать на большие оптовые фирмы в Чикаго. Она посылала туда свои рисунки, но у нее так ничего и не получилось.

Только ты – звезда В небесах моих...

Том. Ну, и что ты сделала, когда инспекторша пришла?

Уилли. Спряталась наверху. Притворилась, что в доме никого нет.

Том. А что же ты ешь?

Уилли. Что придется. Если не зевать, всегда что-нибудь найдешь. Вот, например, этот банан. Он еще совсем хороший. Я вытащила его из мусорного бака, что позади кафе «Синяя птица». (Доедает банан и бросает шкурку на землю.)

Том (ухмыляясь). Понятно. Это ты у мисс Престон научилась не зевать?

Уилли. Нет, не у нее. Она просто давала лист чистой бу-

маги и говорила: «Рисуй что хочешь». Однажды я нарисовала ей... Да ведь я тебе об этом уже рассказывала, верно? Значит, передашь Фрэнку Уотерсу?

Том. Что?

Уилли. Что товарный кондуктор купил мне кожаные туфли. Лакированные. Такие же, как были у Элвы. Я пойду в них на танцы в казино «Лунное озеро». Всю ночь буду танцевать, домой вернусь только под утро. Там будут петь серенады под аккомпанемент разных инструментов – труб, тромбонов, металлических гавайских гитар. Да, да! (Возбужденно встает.) И небо будет белым, как сейчас.

Том (под впечатлением ее рассказа). Правда?

Уилли. Ага. (Рассеянно улыбается и медленно отворачивается.) Белым... как чистый лист бумаги. (Возбужденно.) Я буду рисовать на нем... картины.

Том. Рисовать?

Уилли. Конечно.

Том. Картины? Про что?

Уилли. Про то, как я танцую. С товарным кондуктором. В лакированных туфельках. Да, да! А каблук у них французский, высокий, как телеграфный столб. А играть будут мою любимую песенку.

Том. Твою любимую?

Уилли. Да. Ту же, что любила Элва. (Здыхаясь, страстно.) Только ты – звезда В небесах моих...

Я...

Том. Что?

Уилли. Я буду носить корсаж.

Том. А что это такое?

Уилли. К нему прикалывают цветы, которые полагаются к платью на званом вечере. Бутоны роз, фиалки, ландыши! Когда возвращаешься домой, они уже увяли, но их можно сунуть в воду, и они снова станут как свежие.

Том. Понятно.

Уилли. Элва всегда так делала.

Пауза. Паровозный гудок.

Курьерский.

Том. Ты часто вспоминаешь Элву?

Уилли. Не так уж часто. Время от времени. Это было непохоже на смерть в кино. Поклонники разбежались. Скрипки тоже не играли... Пойду-ка я обратно.

Том. Куда, Уилли?

Уилли. К баку с водой.

Том. Да ну?

Уилли. И начну все сначала. Может быть, побью рекорд. Элва, та один раз побила. Состязание у них было – кто дольше протанцует. В Мобайле. Это не в нашем штате – по соседству, в Алабаме. Можешь передать Фрэнку Уотерсу все, что я сказала. У меня нет времени на мальчишек. Теперь я гуляю с железнодорожниками, людьми известными и к тому же с хорошим жалованьем. Ты мне не веришь?

Том. Нет. По-моему, ты много навывдумывала.



Уилли. Ну и не верь. Я, конечно, могла бы доказать, что не вру, но что толку спорить с тобой. (Приглаживает волосы Растрепке.) Я буду жить долго-долго, как моя сестра. А когда у меня заболеют легкие, я умру, как она. Может быть, не совсем так, как в кино, но на мне будут мои жемчужные серьги и золотые бусы из Мемфиса...

Том. Правда?

Уилли (критически оглядывая Растрепку). А еще я думаю...

Том. Что?

Уилли (весело, но с дрожью в голосе). Что мои поклонники тоже перейдут к кому-нибудь по наследству. А небо белое-белое.

Том. Ага.

Уилли. Белое, как лист чистой бумаги. Ну, я пойду обратно.

Том. Пока.

Уилли. Пока. (Идет по рельсе в обратном направлении, карикатурно изгибаясь в попытках сохранить равновесие; потом исчезает.)

Том слюнит палец и поднимает его, определяя, откуда ветер.

(Издаലെка.) Только ты – звезда В небесах моих...

Пауза. Сцена темнеет.

И сияешь лишь Для меня!

# Занавес